

И. В. Тивьяева

Московский городской педагогический университет

Структурная организация мнемического нарратива

Статья посвящена исследованию особенностей внешней и внутренней формы мнемического нарратива, который рассматривается как специфический тип нарратива личного опыта, а именно как повествование, сконструированное нарратором на основе индивидуально-мнемического опыта. В соответствии с параметром внешней формы выделяются и описываются два типа мнемического нарратива: автономный и интегрированный. На основании критерия внутренней формы и с опорой на модель структуры нарратива личного опыта, разработанную У. Лабовым, определяются два типа структурной организации мнемических нарративов: каноническая и модифицированная. На материале авторского корпуса, включающего 443 англоязычных нарративных фрагмента, анализируются типы модификаций внутренней структуры мнемического нарратива и их частотность.

Ключевые слова: память, нарратив, нарративизация памяти, мнемический нарратив, мнемоническая нарратология.

В дискурсе современного гуманитарного знания широко распространено представление о нарративе как о доминирующей форме языковой фиксации и трансляции памяти и ее процессов. Историки, искусствоведы, психологи, социологи и другие специалисты традиционно рассматривают текст, а именно текст повествовательный, т. е. нарратив, как основную, а порой и единственную форму объективации содержания памяти. Особую популярность данный подход завоевал среди когнитивных психологов. Так, например, Р. Шэнк и Р. Абельсон в категоричной форме заявляют, что индивидуальная память состоит только из нарративов: “Human memory is a collection of thousands of stories we remember through experience, stories we remember by having heard them, and stories we remember by having composed them” [Schank, Abelson, 1995]. Аналогичную точку зрения высказывает и Дж. Брунер, утверждая, что опыт и память принимают форму нарратива [Bruner, 1991]. Среди отечественных исследователей схожих взглядов придерживается А. Б. Богдановская, настаивая, что «человек не имеет иных способов описания пережитого, кроме как в форме нарратива, включающего рассказ о значимых событиях автобиографии в знаковую систему восприятия себя и мира» [2012, с. 173].

Тивьяева Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» (2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4 корп. 1, Москва, 129226, Россия; tivyaeva@yandex.ru)

Лингвисты до недавнего времени оставались в стороне от изучения нарративного текста как средства вербализации памяти, и только в последние годы в отечественном языкознании наметилась тенденция к рассмотрению устных и письменных текстов различных жанров как нарративных форм манифестации отдельных мнемических процессов (в первую очередь, речь идет о рассказах-воспоминаниях, автобиографиях и меморатах, репрезентирующих процесс восстановления информации из памяти). На настоящий момент проблематика мнемической нарратологии в отечественной лингвистике пока еще находится на стадии разработки. Настоящая статья – один из первых шагов на пути развития данного направления.

Объектом мнемической нарратологии является мнемический нарратив, под которым мы понимаем повествование, сконструированное на основе индивидуального мнемического опыта. Как вербализатор памяти и ее процессов мнемический нарратив представляет собой структурированную дискурсивную форму, последовательно и логически воспроизводящую личный опыт субъекта (при возможном отступлении от хронологического порядка событий), включающую контекст, необходимый для интерпретации и аналитической обработки излагаемого, и несущую оценку значимости событий для нарратора и других субъектов.

Мнемический нарратив как рекуррентная текстоструктура пока еще не получила комплексного лингвистического описания, тогда как определение его структурно-семантических, коммуникативно-прагматических и лексико-грамматических особенностей могло бы способствовать нашему пониманию специфики функционирования механизма нарративной памяти.

Цель настоящей статьи – выявить и описать формальные и структурные характеристики мнемического нарратива, обусловленные его семантикой. В качестве эмпирической базы исследования мы использовали авторский корпус общим объемом 443 нарративных фрагмента, отобранных вручную методом сплошной выборки из трех типов источников языковых данных. Источники первого типа включают фрагменты из современных англоязычных художественных и документальных произведений разных жанров, в том числе мемуаров и автобиографий. Вторую группу источников составляют фрагменты публичной и массовой коммуникации, а именно записи речей англоязычных политических лидеров¹, транскрипты публичных выступлений², печатные и электронные версии статей, опубликованных в следующих британских и американских изданиях: *The Guardian*, *The Daily Mail*, *The Daily Telegraph*, *Newsweek*, *The Daily Beast*, *MarieClaire* и *The Huffington Post*. Третий тип источников – фрагменты компьютерно опосредованной коммуникации, в том числе публично доступные интернет-дневники³, анонимные признания⁴, блоги и сообщения англоязычных пользователей социальной сети *Facebook*⁵.

В основу отбора фактического материала был положен структурно-семантический принцип. Текстовый фрагмент регистрировался в корпусе, если он удовлетворял формальным критериям нарратива и выступал в качестве вербализатора одного из процессов памяти, а именно помещения информации в память, хранения, воспроизведения и утраты информации из памяти. Таким образом, отобранные нарративные фрагменты обладали следующими характеристиками: 1) наличие сюжета, т. е. авторская подача произошедшего; 2) динамическое развитие состояний или ситуаций как результат действий акторов; 3) локализация событий

¹ <http://www.americanrhetoric.com>

² www.cnn.com, www.bbc.com

³ www.diary.com, www.my-diary.org

⁴ www.simplyconfess.com, www.secret-confessions.com

⁵ www.facebook.com

и действующих лиц во времени и пространстве); 4) манифестация памяти и ее процессов. В результате была получена тематически однородная выборка общим объемом около 100 тыс. словоупотреблений.

При рассмотрении структурной организации мнемических нарративов мы принимали во внимание параметры как внешней формы (т. е. статус нарративной текстоструктуры по отношению к целому тексту, частью которого она является), так и внутренней (т. е. особенности строения нарративной текстоструктуры).

В соответствии с внешними формальными признаками были выделены *автономные мнемические нарративы*, т. е. способные функционировать в качестве самостоятельного законченного текста, и *неавтономные мнемические нарративы*, входящие в состав более крупного целого в качестве его фрагмента. Автономные мнемические нарративы могут воплощаться как в крупных нарративных формах («больших нарративах»), так и в более скромных («малых нарративах»).

Так как «большой» и «малый нарратив» пока еще не окончательно закрепились в терминологическом аппарате отечественной лингвистики и соответственно не получили единого толкования, поясним, какой смысл мы вкладываем в данные понятия в настоящей работе. Термины «большой» и «малый нарратив» широко используются в современных гуманитарных исследованиях, в основу которых положен биографический метод, или метод нарративного интервью, популярный, в первую очередь, среди социологов и нарративных психологов. Таким образом, малый нарратив видится как отдельный рассказ испытуемого о себе и своей жизни [Глаголев, 2015], тогда как единство таких рассказов, составляющих жизненную историю субъекта, понимается как «большой нарратив» [Труфанова, 2010].

Наше понимание большого нарратива несколько отличается от данного и базируется, в первую очередь, на концепции Майкла Бамберга, который выделяет два типа текстов личностного нарратива – “big stories” и “small stories”. При этом последние трактуются в традициях биографического метода – как короткие нарративы, описывающие незначительные эпизоды из повседневной жизни, часто порождаемые в рамках диалогической коммуникации, тогда как большие нарративы, или “big stories”, по М. Бамбергу, конструируются на основе событий, которые логически объединяются в жизнеопределяющие эпизоды или жизнеописания [Bamberg, 2006].

Таким образом, в настоящей работе малый нарратив понимается как повествование, посвященное отдельному, часто малозначительному, эпизоду из жизни нарратора. Малый нарратив не тематизирует жизненный опыт нарратора и не фокусируется на его внутреннем мире. Большой нарратив, напротив, строится вокруг ключевых событий и ситуаций, составляющих жизненный путь субъекта и требующих осмысления и оценки. Соответственно большие нарративы являются формой бытования как автономных, так и неавтономных мнемических нарративов, тогда как последние в подавляющем большинстве случаев интегрируются в большой нарратив.

Рассмотрим следующий пример:

(1) It was I, however, who was closest to it. I'm fifty-seven years old, but even now I can remember everything from that year, down to the smallest details. I relive that year often in my mind, bringing it back to life, and I realize that when I do, I always feel a strange combination of sadness and joy. There are moments when I wish I could roll back the clock and take all the sadness away, but I have the feeling that if I did, the joy would be gone as well. So I take the memories as they come, accepting them all, letting them guide me whenever I can. This happens more often than I let on.

It is April 12, in the last year before the millennium, and as I leave my house, I glance around. The sky is overcast and gray, but as I move down the street, I notice that the dogwoods and azaleas are blooming. I zip my jacket just a little.

The temperature is cool, though I know it's only a matter of weeks before it will settle in to something comfortable and the gray skies give way to the kind of days that make North Carolina one of the most beautiful places in the world. With a sigh, I feel it all coming back to me. I close my eyes and the years begin to move in reverse, slowly ticking backward, like the hands of a clock rotating in the wrong direction. As if through someone else's eyes, I watch myself grow younger; I see my hair changing from gray to brown, I feel the wrinkles around my eyes begin to smooth, my arms and legs grow sinewy. Lessons I've learned with age grow dimmer, and my innocence returns as that eventful year approaches.

Then, like me, the world begins to change: roads narrow and some become gravel, suburban sprawl has been replaced with farmland, downtown streets teem with people, looking in windows as they pass Sweeney's bakery and Palka's meat shop. Men wear hats, women wear dresses. At the courthouse up the street, the bell tower rings... (Sparks)

Представленный отрывок – часть пролога к роману Н. Спаркса «Спеши любить». «Спеши любить» – трагическая история любви Лэндона Картера, одного из самых популярных старшеклассников, и Джейми Салливан, скромной дочери местного священника, написанная от лица главного героя, который вспоминает о своих отношениях с Джейми сорок лет спустя. Точка отсчета времени задана в настоящем (“*It is April 12, in the last year before the millennium*”), однако в первой же главе художественное время делает резкий скачок назад, и на протяжении всего романа перед читателем разворачиваются события сорокалетней давности, о которых вспоминает нарратор. Таким образом, в основе произведения лежит большой нарратив, посвященный юношескому периоду жизни рассказчика. Перед читателем разворачиваются не единичные сцены, о которых реминисцирует нарратор, а выстраивается последовательность событий, связанных между собой причинно-следственными отношениями. Мнемический нарратив в данном случае является полностью автономным, тогда как небольшое вступление в текстовом настоящем выполняет функцию ориентации по отношению к основному нарративу.

Рассмотрим еще один пример – фрагмент из четвертой книги известной саги С. Мейер «Рассвет»:

(2) I knew it was working then, so I concentrated even harder, dredging up the specific memories I'd saved for this moment, letting them flood my mind, and hopefully his as well.

Some of the memories were not clear – dim human memories, seen through weak eyes and heard through weak ears: the first time I'd seen his face... the way it felt when he'd held me in the meadow... the sound of his voice through the darkness of my faltering consciousness when he'd saved me from James... his face as he waited under a canopy of flowers to marry me... every precious moment from the island... his cold hands touching our baby through my skin...

And the sharp memories, perfectly recalled: his face when I'd opened my eyes to my new life, to the endless dawn of immortality... that first kiss... that first night... (Meyer, 2008, p. 545)

Отрывок (2) – рассказ Беллы, главной героини саги, от лица которой ведется повествование, о воспоминаниях, связанных с определенным периодом в ее жизни. Несмотря на то что реконструируемый посредством памяти период достаточно длительный, повествование о нем очень кратко и сжато: отдельные эпизоды не прописаны, связи между ними не установлены, эмоции и оценки не выражены. Воспоминания нарратора репрезентируются в малой нарративной форме, которая интегрируется в основной нарратив.

Как повествование о мнемических переживаниях нарратора, мнемический нарратив обладает не только четкой внешней формой, но и определенной внутренней структурой, отличающей все нарративы личного опыта, к которым мы причисляем и мнемический нарратив как повествование о жизненном или экзистенциальном опыте, хранящемся в памяти субъекта. Внутренняя структура, о которой идет речь, получила детальное описание в трудах У. Лабова [Labov, 1972, р. 359–360] и была принята большинством лингвистов и психологов, занимающихся проблемами нарративизации жизненного опыта личности. Модель структуры нарратива личного опыта по У. Лабову включает шесть обязательных элементов, а именно: 1) резюме, отражающее суть повествования; 2) ориентацию, позволяющую локализовать описываемые события и действующих лиц во времени и пространстве; 3) последующие события, конкретизирующие, что именно случилось; 4) разрешение ситуации, указывающее на окончательный результат; 5) оценку произошедшего нарратором и 6) коду, сигнализирующую о выходе из нарративного режима [Ibid.]. Так как мнемический нарратив является специфическим типом нарратива личного опыта, в настоящем исследовании мы считаем возможным применять разработанную Лабовым модель для анализа структуры мнемического нарратива.

Рассмотрим следующий пример – рассказ Л. Уайсс “I Remember”. Рассказ представляет собой мнемический нарратив, сконструированный в четком соответствии с описанной Лабовым схемой. Так как объем рассказа не позволяет включить его в текст статьи полностью, мы воспроизведем его с некоторыми сокращениями.

Резюме	(3) I Remember I remember. I remember as if it were yesterday. I remember.
Ориентация	It was Christmas Eve, and like many other people I was doing my last minute Christmas shopping. As I was walking down the cold, windswept street I heard a croupy cough coming from between a trash can and the corner of a building. As I approached the trash can, I could see an old man dressed in rags trying to keep warm. He wore an old ratty coat, matted with dirt and stuffed with newspapers to help keep him warm. His pants were short, and full of holes. His shoes had fallen apart, with his toes sticking out of the hole in the left one. The blanket that was draped around him was tattered and worn, you could practically see through it.
Последующие события	As I gazed in awe, the old man slowly looked up at me with his pale, dirty face. <...> For some reason that I still don't understand today, I reached out my right hand in hopes that he would take it. He looked at me with those glazed eyes, as if to say thank you. <...> Once he was sturdier standing, we started walking, looking for a shelter where he could get some hot food and drink. Maybe some warm clothes and a safe place to sleep. As we continued walking, I heard his stomach growl from starvation. Out of the corner of my eye I noticed a dinner was still open. <...> After we had finished our meal and had paid our check, we were back out in the freezing cold, looking for a shelter. We hadn't gone far when the old man spotted a church just up the snow-lined street. I watched him as he struggled up the stairs and went through the large wooden doors. <...>

	<p>The old man knelt down, clasped his hands together, closed his eyes, and proceeded to pray. As he was praying, I looked around to see other people praying too. There were others receiving communion. <...></p> <p>I looked back over at the old man and saw that he was having a little trouble getting back up, so leaning over, I wrapped my left arm around his back for support. I took hold of his arm with my free hand and gently helped him up.</p> <p>As I stared thoughtfully at all the joy and happiness that was filling the people, I felt the old man rest his head on my shoulder. I looked at him and he gave me a smile, as if to say thank you. Then he shut his eyes and fell into a deep sleep.</p>
Разрешение ситуации	<p>After a few minutes, I noticed that he was no longer breathing. He seemed to be in a very peaceful sleep. No more worries. No more cold, or hunger. No more problems. Just peace.</p> <p>As I looked at him with his head still resting on my shoulder and a peaceful look on his face, I did not notice the priest walk up and place his hand on my shoulder.</p> <p>As I looked at the priest with tears running down my face, I realized that the old man was in a much better place. As the priest began giving him his last rights, I realized that I didn't even know his name.</p>
Оценка событий нарратором	<p>When I first met him, I thought I was helping a lost soul. But it was he, who had helped this lost soul.</p>
Кода	<p>I remember. I remember as if it were yesterday. I remember (Weiss, 2014).</p>

Представленное повествование разворачивается строго в соответствии со схемой У. Лабова. Мнемический нарратив предваряет небольшое резюме, в котором нарратор сообщает, что все последующие события надолго запечатлены в его памяти. Ориентация задает пространственно-временные координаты происходящего: читатель узнает, что описываемые события происходят накануне Рождества, и получает первое представление о главном герое, встретившемся на пути автора. Следующий элемент мнемического нарратива – самый значительный по объему – содержит рассказ о событиях, участниками которых стали главный герой и нарратор. Финал их встречи представлен в четвертом структурном компоненте, тогда как в пятом нарратор высказывает свою оценку произошедшего. Наконец, кода сигнализирует о выходе из режима мнемического нарратива и возвращении в текущее настоящее.

Данная структурная модель лежит в основе любого мнемического нарратива, однако в 297 фрагментах из собранного нами корпуса примеров, что составляет 67 % выборки, она выступает не в исходном виде, описанном У. Лабовым, а с некоторыми модификациями. В ходе анализа фактического материала нами были зарегистрированы следующие виды модификаций:

- 1) изменение порядка следования элементов;
- 2) вставка дополнительного элемента;
- 3) опущение одного из элементов.

Изменение порядка следований элементов структуры мнемического нарратива имеет место, когда авторская логика изложения требует акцентировать тот или иной фрагмент нарратива, сконцентрировать на нем внимание читателя или слу-

шателя, указывая тем самым на его особую значимость для понимания сути повествования.

В качестве примера данного вида модификации рассмотрим роман Э. Сигала «История любви», посвященный трагической истории любви. Повествование в романе ведется от лица главного героя – сына богатых и влиятельных родителей, студента Гарварда, обладающего незаурядным умом и чрезмерно уверенного в себе. Его возлюбленная живет на стипендию, учится на музыкальном отделении Рэдклифа, остроумна и талантлива. Оливера Барретта IV и Дженнифер Кавиллери разделяют социальные, этнические и религиозные барьеры, но вопреки всему они неразлучны. Неразлучны до самого конца. О трагической развязке читатель узнает из первых строк романа:

(4) What can you say about a twenty-five-year-old girl who died? That she was beautiful. And brilliant. That she loved Mozart and Bach. And the Beatles. And me (Segal, 2002, p. 8).

В основе композиции романа лежит прием ретроспекции. Повествование фактически представляет собой непрерывный поток воспоминаний, которому предшествует небольшое вступление-развязка, написанное в текстовом настоящем. Таким образом, описанный У. Лабовым порядок следования элементов нарратива нарушается. Разрешение ситуации (resolution) в рассматриваемом мнемическом нарративе предшествует резюме, ориентации и последующим событиям. Читателю заранее известен трагический финал отношений нарратора с его возлюбленной. Отступление от канонической структуры нарратива в данном случае полностью оправданно. Ретроспективное повествование, обратное действительному ходу вещей, отличается меньшей напряженностью и несет на себе печать психологизма, субъективности и умозрительности. Третий элемент структуры нарратива (изложение последующих событий) в данном случае тесно переплетается с пятым (оценкой произошедшего нарратором). Обращение к памяти здесь одновременно и попытка осмыслить прошлое, проанализировать случившееся, и бегство от суровой действительности, неприятие настоящего, в котором уже нет любимой женщины. При этом кода как таковая фактически отсутствует, поскольку в сигнале выхода из нарративного режима нет необходимости. Таким образом, последовательность структурных элементов в рассматриваемом мнемическом нарративе имеет следующий вид:

$$4 \rightarrow 1 \rightarrow 2 \rightarrow 3 + 5.$$

Иная группа модификаций канонической структуры мнемического нарратива связана не с изменением положения отдельных структурных элементов, а с их добавлением или опущением. Дополнительный элемент в структуре мнемического нарратива появляется, когда в центре внимания нарратора не одно событие, получающее развитие и разрешение по ходу повествования, а несколько относительно самостоятельных событий, которые могут быть связаны только хронологически или вступают в различные причинно-следственные отношения. Таким образом, структура мнемического нарратива прирастает тремя дополнительными элементами – последующими событиями, разрешением и оценкой, которые следуют за разрешением и оценкой предыдущей серии событий. Схема структуры мнемического нарратива данного типа выглядит следующим образом:

$$1 \rightarrow 2 \rightarrow (3 \rightarrow 4 \rightarrow 5)^1 \rightarrow (3 \rightarrow 4 \rightarrow 5)^2 \rightarrow (3 \rightarrow 4 \rightarrow 5)^3 \rightarrow \dots (3 \rightarrow 4 \rightarrow 5)^n \rightarrow 6.$$

Как правило, данная модификация встречается в больших нарративах и продиктована установкой нарратора на изложение всех обстоятельств, релевантных для его целей. Однако усложнение структуры мнемического нарратива путем добавления последовательностей элементов возможно и в малых нарративах. В та-

ких случаях количество добавляемых последовательностей не превышает двух-трех.

Рассмотрим в качестве примера мнемический нарратив Джорджа Доусона, офицера вооруженных сил США в отставке, о том, как борьба с морской стихией во время войны в Корее чуть не стоила ему жизни. Воспоминания Доусона вошли в сборник "I Remember Korea: Veterans Tell Their Stories of the Korean War, 1950–53", включающий рассказы бывших американских военнослужащих об отдельных, лично значимых эпизодах корейской войны. Повествование Доусона, по признанию автора, посвящено одному из самых страшных событий в его жизни – сильному шторму, в который попал грузовой корабль с военными на борту.

Изначально последовательность элементов рассматриваемого мнемического нарратива строго соответствует канонической схеме:

1. Повествование начинается с резюме, отражающего его суть:

(5) I was ordered to report to a navy base in California, where I joined the crew of a ship that was an attack cargo vessel, designed to carry troops, vehicles, equipment, and supplies into the war zones. <...> While I was on this ship, I experienced one of the most frightening events of my life (Dawson, 2003, p. 5).

2. Далее следует ориентация, конкретизирующая обстоятельства описываемых нарратором событий:

(6) We were sailing in very bad weather. The sea was very rough, and the ship was rocking and rolling violently. <...>

The weather became worse, and we found ourselves in a typhoon (Dawson, 2003, p. 5–6).

3. После ориентации в фокусе внимания нарратора наконец оказываются события, положенные в основу нарратива:

(7) At one point, the main antenna broke loose. We could not send or receive messages without that antenna. <...>

I went from the center of the ship over to the side, where there was a railing. Holding on to the railing, I looked at the ocean. <...> I was sure that we were about to capsize.

First, I thought of my wife back in New York. <...>

Then, very slowly, the vessel began to turn upward again, and the ocean seemed to be receding from us (Dawson, 2003, p. 6–7).

4. Описание событий заканчивается развязкой, подводящей итог всему изложенному:

(8) We survived this great storm, but the ship was badly damaged and eventually had to spend two weeks in port for repairs. (Dawson, 2003, p. 7).

5. На данном этапе повествования нарратор должен был бы дать личную оценку случившемуся и выйти из нарративного режима, однако фактически в рассматриваемый нами мнемический нарратив вводится новая серия событий, важных для рассказчика.

(9) Many sailors suffered bruises and other minor injuries during that voyage. One man's condition was serious enough to require the services of a doctor, but we had no doctor on board. <...> Once the bad weather was over, we secured our antenna and sent a radio message to a larger ship that was within a few hours' sailing distance from us. That ship agreed to meet us and take the sick man aboard. <...>

All went well until this small boat returned. <...> Just as it was about to reach our deck, some of the ropes broke and the boat swung down. Several of the sailors fell into the sea; others managed to hang on to the ropes and climb safely on board. The boat was swinging wildly and then shattered as it bashed against the side of the ship. It took a great deal of effort to rescue the sailors from the water, but we were safely brought on board (Dawson, 2003, p. 8).

Таким образом, в рассматриваемом мнемическом нарративе обнаруживаются две серии событий, соответствующих структурным компонентам 3, 4 и 5 схемы личного нарратива: 1) шторм и спасение судна, 2) несчастный случай при спасении пострадавшего. В начале повествования нарратор декларирует намерение сообщить о самом страшном событии в своей жизни, очевидно, имея в виду сильный шторм, в который попало судно с военными на борту, при этом он не ограничивается описанием обстоятельств шторма и собственных переживаний, в результате имеет место приращение структуры нарратива за счет фрагмента о пострадавшем моряке и операции по его спасению. Появление дополнительного элемента в структуре рассматриваемого мнемического нарратива, на наш взгляд, объясняется в первую очередь тем, что для нарратора между двумя описанными эпизодами существует неразрывная связь. Представленные офицером события состоят в причинно-следственных отношениях, их объединяет общий пространственно-временной контекст и действующие лица, поэтому дополнительный компонент органично вписывается в структуру мнемического нарратива.

Наконец, структура мнемического нарратива может модифицироваться не только за счет приращения дополнительных компонентов, но и в результате опущения одного или нескольких элементов исходной структуры. Обратимся к следующему примеру, наглядно иллюстрирующему редукцию внутренней структуры мнемического нарратива.

(10) Life did not change much in Skudvil, Lithuania. Each day had its own routine. Saturday was the most special day. On that day everything came to a standstill. The change really started on Friday, when the Jewish mothers and daughters cleaned and scrubbed every room in the house. The tables were covered with white cloth and shiny brass candlesticks. Anticipation was in the air, the smell of Sabbath food in the homes. <...>

That was the last glimpse of them. I never saw them again. I disappeared into the uncertainty of war.

I went east on my bike. German planes were bombing the highway. I saw a lot of people in clusters along the highway. They thought they would be safer than in town. It was fairly obvious that the Russians did not want to fight. They were defecting. I met a man from my town who was fleeing on foot. I took him on my bicycle and we fled east together. Tired from fear and travel, we stopped at a barn to rest. It was full of Jews, many of them children. Some cried and some were too scared to cry. We didn't stay very long.

We continued east. Finally we made it to Shavel. Shavel was a large city by Lithuanian standards, about 40,000 people. I came to my cousin's house. Bombs were falling. We took shelter in a basement. And then it became quiet. I went up from the basement, looked outside, and there they were! The Germans were on the street. The vanguard. They were on motorcycles, well-dressed and shouting orders to one another. I went to the basement and sadly told everybody, "They are here" (Brett, 2002, p. 2–6).

Рассматриваемый фрагмент заимствован из книги воспоминаний о Холокосте, в которую вошли истории людей, прошедших через фашистские лагеря смерти и доверивших бумаге память о самом страшном периоде в своей жизни в рамках творческих семинаров для писателей на базе Центра Холокоста в Питтсбурге.

Автор представленного фрагмента, Леон Бретт, родился в 1922 г. на территории Литвы. Его история “War Arrives in Lithuania” – это повествование о спокойной, размеренной довоенной жизни в штетле, которая резко изменилась с известием о вторжении фашистов на территорию СССР.

Нарратив Бретта начинается и заканчивается обрывисто. Резюме и кода полностью отсутствуют, что, однако, никак не сказывается на содержании. Более того, воспоминания Бретта – одна из историй в тематическом сборнике, и отсутствие четко маркированной границы начала и конца повествования способствует интеграции данного отрывка в «большой нарратив», объединяющий результаты работы памяти отдельных нарраторов.

Не менее значимо, на наш взгляд, и опущение пятого структурного элемента мнемического нарратива, а именно оценки описываемых событий нарратором. Не воспользовавшись своим правом на выражение личного мнения относительно происходящего, автор дает читателю возможность вынести собственное суждение на основании изложенных в повествовании фактов. Таким образом, структуру рассматриваемого мнемического нарратива можно представить в виде следующей схемы:

2 → 3 → 4.

Как показывают наблюдения, опущению чаще всего подвергаются именно резюме, кода и оценка, что объясняется внутренней логикой повествования. Отсутствие вступительной и заключительной частей нарратива не будет препятствовать раскрытию авторского замысла, тогда как опущение третьего или четвертого компонента структуры мнемического нарратива может помешать адекватному пониманию текста читателем или слушателем. За опущением компонента оценки стоит авторская интенция вызвать работу мысли у читателя или слушателя, вынудить его занять ту или иную позицию, подтолкнуть к формированию собственного мнения.

Распределение мнемических нарративов в авторской картотеке в соответствии с типом модификации внутренней структуры представлено в табл. 1. Распределение долей мнемических нарративов с канонической и модифицированной структурами в общей выборке – в табл. 2.

Таблица 1

Распределение мнемических нарративов
в соответствии с типом модификации внутренней структуры

Table 1

Distribution of memory narratives
in accordance with structural modification types

Тип модификации внутренней структуры	Количество мнемических нарративов	Доля от общего количества, %
Изменение порядка следования элементов	71	23,9
Вставка дополнительного элемента	116	39,06
Опущение одного из элементов	67	22,56
Комбинация двух и более типов	43	14,48
Всего	297	100

Таблица 2

Распределение мнемических нарративов
в соответствии с типом внутренней структуры

Table 2

Distribution of memory narratives
in accordance with internal structure types

Тип внутренней структуры мнемического нарратива	Количество нарративных текстоструктур в выборке	Доля от общего количества, %
1. Каноническая структура по У. Лабову	146	32,96
2. Модифицированная структура, в том числе:	297	67,04
изменение порядка следования элементов	71	16,03
вставка дополнительного элемента	116	26,18
опущение одного из элементов	67	15,12
комбинация двух и более типов	43	9,71
Всего	443	100

Таким образом, результаты анализа фактического языкового материала позволяют сделать следующие выводы.

Мнемический нарратив, независимо от своего формального внешнего статуса, обладает стабильной внутренней структурой, которая может выступать как в исходном виде, описанном У. Лабовым, так и в модифицированном.

Среди модификаций внутренней структуры мнемического нарратива можно выделить три типа: 1) изменение порядка следования элементов, 2) вставка дополнительного элемента и 3) опущение одного из элементов. Если первые два вида модификаций затрагивают содержательно значимые структурные компоненты мнемического нарратива, то последний связан со второстепенными в содержательном плане элементами. Любые изменения, касающиеся отбора и последовательности компонентов повествования, обусловлены стратегией нарратора, подчиняющейся его основному замыслу.

Список литературы

Богдановская А. Б. Психосемантическое исследование личностно-смысловой организации автобиографического нарратива // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2012. № 153-1. С. 171–178.

Глаголев В. С. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации. М.: Проспект, 2015. 231 с.

Труфанова Е. О. Я-нарратив и его автор // Философия науки. М.: ИФ РАН, 2010. Вып 5: Эпистемология: актуальные проблемы. С. 183–193. URL: <http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/ps/ps15/13.pdf> (дата обращения 17.04.2017).

Bamberg M. Biographic-Narrative Research, Quo Vadis. A Critical Review of ‘Big Stories’ from the Perspective of ‘Small Stories’ // Narrative, Memory & Knowledge: Representations, Aesthetics, Contexts. University of Huddersfield, 2006. P. 63–79. URL: <http://eprints.hud.ac.uk/4902/> (accessed 13.05.2017).

Bruner J. The narrative construction of reality // Critical Inquiry. 1991. Vol. 18 (1). P. 1–21. <http://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/448619> (accessed 22.11.2016).

Labov W. Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. 412 p.

Schank R.C., Abelson R. P. Knowledge and Memory: The Real Story // Knowledge and Memory: The Real Story / Ed. by R. S. Wyer, Jr. Hillsdale, NJ, 1995. P. 1–85. URL: http://cogprints.org/636/1/KnowledgeMemory_SchankAbelson_d.html (accessed 02.02.2017).

Список источников

Brett L. War Arrives in Lithuania // Flares of Memory: Stories of Childhood During the Holocaust / Ed. by A. Brostoff. Oxford University Press, 2002. P. 2–6.

Dawson G. G. Caught in a Typhoon // I Remember Korea: Veterans Tell Their Stories of the Korea War, 1950–53 / Ed. by L. Granfield. Houghton Mifflin Harcourt, 2003. P. 5–8.

Meyer S. Breaking Dawn. New York: Little, Brown and Company, 2008. 552 p.

Sparks N. A Walk To Remember. URL: <http://englishtips.org/1150796715-nicholas-sparks-a-walk-to-remember.html> (accessed 17.07.2015).

Segal E. Love Story. Moscow: Rolf, 2002. 224 p.

Weiss L. I Remember. BookRix Edition, 2014. 5 p.

I. V. Tivyaeva

Moscow City University, Moscow, Russian Federation, tivyaeva@yandex.ru

Structural organization of memory narrative

The paper focuses on memory narrative, which is an object of mnemonic narratology, a new subarea of narratology that studies narratives as text structures verbalizing individual memory and its processes. Memory narrative is defined as a narration based on individual mnemonic experience and, as such, it is a specific type of personal experience narrative. Being a recurrent text structure that verbalizes mnemonic content, memory narrative is an organized discourse form logically and sequentially representing personal experience (while still allowing for breaches in temporality), including context necessary for the adequate interpretation and analytical processing of the narrated events and conveying the narrator's subjective view and evaluation of the events. The paper aims at examining the structural organization of memory narrative as regards its external and internal forms. For this purpose, a corpus of memory narratives totaling 443 items was collected from various sources, including fiction, documentary prose, online blogs, newspaper and journal articles. Quantitative and qualitative analysis of the empirical evidence allowed developing a two-fold typology of memory narratives accounting for their external and internal properties. The author's findings concern communicatively conditioned macrostructural varieties of memory narratives and their internal structural specifics interpreted as modifications of the classical Labovian model of personal experience narratives.

Keywords: memory, narrative, narrativization of memory, memory narrative, mnemonic narratology.

DOI 10.17223/18137083/70/24

References

Bamberg M. Biographic-narrative research, Quo Vadis. A critical review of 'big stories' from the perspective of 'small stories'. In: *Narrative, Memory & Knowledge: Representations, Aesthetics, Contexts*. University of Huddersfield, 2006, pp. 63–79. URL: <http://eprints.hud.ac.uk/4902/> (accessed: 13.05.2017).

Bogdanovskaya A. B. Psikhosemanticheskoye issledovaniye lichnostno-smyslovoy organizatsii avtobiograficheskogo narrativa [A psycho-semantic research of the organization of personal

meanings in autobiographical narratives]. *Izvestiya: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 2012, no. 153–1, pp. 171–178.

Bruner J. The narrative construction of reality. *Critical Inquiry*. 1991, vol. 18 (1), pp. 1–21. <http://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/448619> (accessed: 22.11.2016).

Glagolev V. S. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v usloviyakh globalizatsii* [Intercultural communication in the context of globalization]. Moscow, Prospekt, 2015, 231 p.

Labov W. *Language in the inner city: studies in the black English vernacular*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1972, 412 p.

Schank R. C., Abelson R. P. Knowledge and memory: the real story. In: *Knowledge and memory: the real story*. R. S. Wyer, Jr. Hillsdale (Eds). NJ, 1995, pp. 1–85. URL: http://cogprints.org/636/1/KnowledgeMemory_SchankAbelson_d.html (accessed: 02.02.2017).

Trufanova E. O. Ya-narrativ i ego avtor [Self-narrative and its author]. *Philosophy of Science*. 2010, iss. 15, pp. 183–193. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/ps/ps15/13.pdf> (accessed: 17.04.2017).

List of sources

Brett L. War Arrives in Lithuania. In: *Flares of Memory: Stories of Childhood During the Holocaust*. A. Brostoff (Ed.). Oxford University Press, 2002. pp 2–6.

Dawson G. G. Caught in a typhoon. In: *I remember Korea: Veterans tell their stories of the Korea War, 1950-53*. L. Granfield (Ed.). Houghton Mifflin Harcourt, 2003. pp. 5–8.

Meyer S. *Breaking dawn*. New York, Little, Brown and Company, 2008, 552 p.

Segal E. *Love story*. Moscow, Rolf, 2002, 224 p.

Sparks N. *A walk to remember*. URL: <http://englishtips.org/1150796715-nicholas-sparks-a-walk-to-remember.html> (accessed: 17.07.2015).

Weiss L. *I Remember*. BookRix Edition, 2014, 5 p.